

К. ДЕНЧЕВ (БОЛГАРИЯ)

"УЛЬТРАПРАВАЯ ВОЛНА" В ЕВРОПЕ: 90-е годы XX – начало XXI века

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

История, как известно, всегда повторяется, но никогда буквально. Вот почему исторический процесс часто сравнивается со спиралью. Так мы можем увидеть довольно значительное сходство между социальными и историческими условиями, в которых складывались авторитарные и фашистские режимы прошлого столетия, и теми тенденциями, что намечаются в начале XXI в. Великий кризис 20–30-х годов XX в. был обусловлен тремя фундаментальными противоречиями: между гражданским обществом и государством; между трудом и капиталом; между стремлением индивида иметь свободу выбора и одновременно с этим иметь цель. В условиях острого экономического и политического кризиса многие парламентские режимы Европы не смогли найти компромисса между политическим плюрализмом и единым для всех политическим порядком, предполагающим известную авторитарность в рамках парламентских структур.

Выход был найден в возвращении к старым абсолютистским теориям государства, где идея наследственной монархии была заменена идеей диктатуры. Теоретические школы в Германии и Италии создали развитые концепции неоабсолютизма. Повсюду в Европе утверждались автократические политические системы. Повсеместное утверждение диктатур во многом было обусловлено тем, что европейские демократии не в силах были принудить предпринимателей учитывать общественные интересы и заставить рабочих отказаться от непомерных требований. И то, и другое было осуществлено при правых автократических режимах.

Впрочем, первый прецедент государства всеобщего благоденствия был создан, по мнению российского историка О.Ю. Пленкова, в "третьем рейхе". Не многие знают, что важнейшим экономическим лозунгом нацистов было обещание восстановить вклады, утраченные немецким средним классом во время гиперинфляции 1922–1923 гг.¹ Роль экономической демагогии нацистов в их приходе к власти в 1933 г. нельзя недооценивать. Антисемитизм, радикальный национализм, ксенофобия были естественными элементами мышления лидеров Национал-социалистической партии Германии. Но до 1937 г. они были осторожными в использовании этих инструментов. Апелляция к чувствам собственников, потерявших свои сбережения в ходе гиперинфляции 1923 г., была более эффективным политическим оружием.

К утверждению именно диктатуры европейское общество оказалось готово и психологически: новая идеология дала людям новый идеал и снова заставила их поверить в свои силы. Немецкий писатель и философ Э. Юнгер осмыслил проблему популярности фашистской доктрины в то время в различных ее вариациях через противопоставление "свободы-от", тождественной либеральным гражданским и политическим правам, и

Денчев Камен – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики и Московского государственного педагогического университета, член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург).

¹ *Пленков О.Ю.* Третий рейх. Социализм Гитлера. СПб., 2004; *Бозацкий И.* Призрак новой идеологии. – Эксперт, № 41, с. 110.

"свободы-для", тождественной дисциплине и стремлению подчиняться, бегству от свободы. Фашизм, по его мнению, утверждал это новое понимание свободы².

Сегодня мы знаем, что многие концепции 20–30-х годов оказались ошибочными. Жизнь не подтвердила их. Диктатура как форма политической самоорганизации продемонстрировала свою нерациональность. Тем не менее, современное европейское общество оказалось сегодня во многом в том же состоянии, что и перед великим кризисом парламентаризма 20–30-х годов. Развитый мир сегодня сталкивается с теми же вызовами, пусть и несколько иначе сформулированными, на которые европейская цивилизация уже безуспешно попыталась ответить с помощью фашизма.

Показательны в этом контексте успехи ультраправых партий в современной Европе. В последние годы ультраправые партии получали значительную поддержку населения на выборах, что не могло не сказаться на общей политической атмосфере в ряде западных стран. Как свидетельствуют результаты выборов в национальные и территориальные парламенты, в них произошло увеличение процента голосов, отданных за ультраправые партии.

ЕВРОПЕЙСКИЕ УЛЬТРАПРАВЫЕ

О новой "ультраправой волне" заговорили в 1999 г. – после успеха Австрийской партии свободы (АПС), набравшей на парламентских выборах в Австрии почти 27% голосов избирателей. Ее лидер Й. Хайдер стал самым известным ультраправым политиком в Европе. Сильнее, чем в других странах, харизматическому лидеру партии Хайдеру удалось объединить маленьких людей, недовольных своей жизнью. Он смог это сделать благодаря атакам на традиционные партии, благодаря полемике по проблемам государства благосостояния и налогов, а также благодаря использованию националистических лозунгов, направленных против иммигрантов и идеи объединенной Европы³.

Партия Хайдера вышла на второе место с 26,91% голосов; у лидировавшей Социал-демократической партии Австрии (СДПА) – 33,15% голосов, и лишь на 415 голосов от АПС отстали консерваторы из Австрийской народной партии (АНП). Еще до выборов руководство АНП заявило, что в случае поражения партии и потери второго места консерваторы выйдут из правительственной коалиции с СДПА и перейдут в оппозицию к последней. В начале 2000 г. СДПА отказалась от попыток сформировать правительство меньшинства, после чего федеральный президент Австрии Т. Клестиль привел к присяге правительство В. Шюсселя, в котором посты вице-канцлера, министров обороны, финансов, юстиции были отданы представителям партии Хайдера.

Результаты выборов вызвали бурную реакцию руководства Европейского Союза (ЕС) и государств-членов ЕС. В Брюсселе было принято решение свести до минимума контакты с Австрией, сведя их до уровня технических встреч. С резким осуждением Вены выступили представители Бельгии, Франции, Португалии.

Затем Хайдер заявил об уходе из большой политики, покинул пост председателя партии, и АПС, как движение, возглавлявшееся им, стала терять свою динамику. На прошедших в 2002 г. внеочередных выборах партия получила лишь 10,2% голосов, потеряв 2/3 ранее набранных. Более удачно АПС во главе с молодым и амбициозным Х.К. Штрахе выступила на парламентских выборах в 2006 г. и получила 11,2% голосов. Кажется, что партия достигла своего временного высшего уровня, равного 25–27%.

В Германии ультраправые не смогли найти себе места на национальном уровне. Юридическое подавление крайне правых партий в Германии по-прежнему остается сильным. Однако главной сенсацией выборов 2006 г. в немецкой северной земле Мекленбург – Передняя Померания стал успех ультраправой Национал-демократической партии Германии (НДПГ). Эта партия, еще пять лет назад имевшая всего около 0,8%,

² Цит. по: Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т.4. М., 2001, с. 494–495.

³ Подробнее см.: *Видра Д.* Призрак бродит по Европе, призрак популизма. – Вопросы философии, 2005, № 10, с. 81–91.

сумела преодолеть пятипроцентный барьер, заручившись поддержкой 7,3% избирателей. Кроме этой земли ультраправые представлены только в ландтаге Саксонии – в 2004 г. они получили 10% голосов. Особую тревогу в стране вызывает то, что наибольшей популярностью ультраправые пользуются у молодежи – НДПГ поддерживают 15% немецких граждан 18–24 лет и около 12% избирателей 25–35-летнего возраста.

С некоторыми вариациями тот же ограниченный электоральный успех демонстрируют и обе другие ультраправые организации Германии – Немецкий народный союз (ННС) и Республиканская партия (РП). Во второй половине 1980-х годов ННС переходит к практике создания предвыборных коалиций с дружественными организациями. В 1987 г. ННС в союзе с НДПГ формирует так называемый "лист Д". На выборах в Европарламент 1989 г. "лист Д" получает лишь 455 тыс. голосов и столь же неудачно выступает на первых после объединения Германии выборах в бундестаг в 1990 г. Однако уже в 1992 г. на земельных выборах в Шлезвиг-Гольштейне ННС получает 6,3% голосов, и на протяжении ряда лет его электоральные показатели на земельных выборах колеблются в пределах пятипроцентного барьера. Максимального успеха партия добивается в 1998 г., собрав 12,9% голосов на выборах в ландтаг Саксония-Анхальт. "Республиканцы" на выборах в Европейский парламент в 1989 г. достигли уровня в 7,1%. При выборах в ландтаг земли Баден-Вюртемберг в 1992 г. они уже поднялись до уровня 10,9%. В Шлезвиг-Гольштейне в том же самом году они, правда, получили лишь 1,2% голосов. При выборах в бундестаг в 1994 г. только 1,9% немцев отдали свои голоса за республиканцев. На земельных выборах республиканцы, как правило, собирают меньше голосов, чем ННС. На федеральных выборах 1998 и 2002 годов партия получила менее 2% голосов.

Таким образом, ни одна из этих партий не подошла к пятипроцентному барьеру, отталкивающему от вхождения в парламент и большую политику. Это замечание важно, потому что международная общественность особенно внимательно наблюдает за Германией из-за ее нацистского прошлого и опасается возрождения нацизма.

Низкие в среднем электоральные показатели ультраправые партии демонстрируют на фоне роста числа правонарушений с расистской и националистической мотивацией⁴.

Первый шок спокойная и политически очень стабильная Швейцария испытала на парламентских выборах того же 1999 г., когда ультраправая Швейцарская народная партия (ШНП) заручилась поддержкой 23% избирателей (в 1995 г. – всего 16%). Лидер партии К. Блохер, миллиардер-промышленник, наживший состояние на производстве химических препаратов, известен жесткими высказываниями в адрес "наводнивших страну" чужаков.

Дело в том, что в последние годы ШНП усиливает свои позиции в стране. На выборах 2003 г. партия набрала 26% голосов и получила два места в семиместном федеральном совете, который играет в Швейцарии роль правительства и один из членов которого является президентом.

Впрочем, с 1959 г. страной неизменно правили четырехпартийные коалиции в составе левоцентристской Социалистической партии Швейцарии, правоцентристских свободных демократов и христианских демократов, а также ШНП. При этом, согласно так называемой "волшебной формуле", за последней было закреплено только одно министерское кресло в федеральном совете, тогда как представители трех других правящих партий контролировали по два. Из-за такой схемы смена правительства в Швейцарии считалась труднодостижимой, но неожиданный успех на выборах партии К. Блохера позволил ему изменить существующий десятилетиями расклад в свою пользу.

Растущая популярность ШНП связана с протестом против строительства мечетей в швейцарских городах, а также призывом выдворить иммигрантов из страны. Кроме того, ультраправые призывают проводить политику изоляции от Евросоюза. Предвыборные плакаты партии изображают белых овец, выталкивающих из своего стада черную

⁴ <http://www.verfassungschutz.de>

овцу. Рядом надпись – "Во имя безопасности" и швейцарский флаг. На выборах в парламент 2007 г. ультраправые стали в Швейцарии еще более влиятельной силой – ШНП поддержали около четверти граждан страны.

Если ШНП сохранит эту тенденцию, то в обозримом будущем, по мнению швейцарского эксперта М. Ходеля, нужно будет считаться с самой значительной с 1945 г. перегруппировкой на швейцарском партийном ландшафте⁵.

В Бельгии крайние правые объединились по языковому признаку⁶. Фламандская ультраправая партия "Фламандский блок" (ФБ) получила 16% голосов. Партия была основана в конце 1970-х годов и в своих народно-националистических лозунгах она одновременно нападала и на франкофонных бельгийцев, и на иммигрантов.

Осенью 2004 г. по решению суда ФБ был распущен по обвинению в пропаганде расизма и сепаратизма, однако месяцем позже воскрес как партия "Фламандский интерес" (ФИ). Программа ФИ основывается на все тех же доказавших свою популярность установках: достижение независимости Фландрии и ужесточение иммиграционного режима. Антиваллонские и антибельгийские настроения электората ФИ подогреваются тезисами об экспансии франкофонного населения во фламандские районы и "подкармливании" отстающей Валлонии за счет процветающей Фландрии⁷.

Популярность сепаратистских настроений во Фландрии очень высока. Об этом говорит успех, которого на муниципальных выборах добился ФИ в 2006 г., получив 33% голосов и став самой сильной партией в большом городе Фландрии – Антверпене. На выборы она шла под лозунгами "Бельгия, умри!" и "За фламандское государство в Европе".

В ходе национальных выборов 2007 г. количество голосов, полученных ФИ, снизилось до 12%. Другие фламандские партии устроили вокруг ФИ "санитарный кордон": договорились не брать ее в коалицию. Дело в том, что Ф. Девинтер, глава ультраправой партии ФИ, добивается проведения референдума по вопросу о разделении страны и образовании независимой Фландрии. С Бельгией Девинтеру все ясно – историческая ошибка должна быть исправлена: «Мы – две разные нации, Бельгия – искусственное государство, созданное как буфер между великими державами, и у нас нет ничего общего, кроме короля, шоколада и пива. Настало время сказать Бельгии "прощай"»⁸. Парадокс ситуации заключается в том, что как раз тогда, когда Европа стремится к объединению и принятию единой конституции, в самом ее сердце – в столице Бельгии Брюсселе, где расположена штаб-квартира ЕС, разворачивается борьба за самоопределение.

"Положительным моментом европейской интеграции является то, что она допускает разделение стран-членов, своего рода цивилизованный развод внутри союза, без серьезных потрясений, – говорит А. Миссироли, глава находящегося в Бельгии Исследовательского центра европейской политики. – А негативный аспект заключается в том, что такое разделение может спровоцировать аналогичные настроения и в других странах"⁹.

⁵ Hodel M. Nationalpopulismus Westeuropa. – Neue Zürcher Zeitung, 5–6.III.2007.

⁶ В 1962 г. в Бельгии провели языковую границу, а к 1993 г. приняли федеративную конституцию. В ней в отличие от предыдущей конституции записано, что власть происходит от народа и принадлежит королю, и что Бельгия – федеративное государство, которое состоит из трех общин (французской, фламандской и немецкой) и трех регионов (Валлонского, Фламандского и двуязычного региона Брюссель). К северу от языковой границы школы, университеты, суд, государственная служба, финансовая отчетность компаний, названия улиц должны быть на голландском, к югу – на французском языке. "Столица Европы" – Брюссель – находится внутри фламандского региона, а говорят в ней преимущественно по-французски. При этом любая крупная бельгийская партия состоит из двух почти независимых друг от друга отделений – фламандского и валлонского. Подробнее см.: Низамов Е. Бельгийская болезнь. – Коммерсантъ Власть, 1.X.2007, с. 44–47.

⁷ http://www.vlaamsblok.be/site_engels_programme_2.shtml

⁸ Цит. по: Баунов А. Как Бельгия в колесе. – Newsweek, 08–14.X.2007, p. 30–35.

⁹ Цит. по: Брайант Э. Фламандцы и валлоны подумывают о разделе имущества. – Коммерсантъ, 10.X.2007.

В Дании крайне правая Датская народная партия (ДНП) со своими антиэтатистскими лозунгами и призывами, направленными против иммигрантов, пользуется стабильной поддержкой в обществе и получила примерно десятую часть всех избирателей. В 2001 г. ДНП с 12% обеспечила себе третье место в парламенте страны. На парламентских выборах 2005 г. датские ультраправые несколько улучшили свой результат – за них проголосовали 13,2% избирателей, которых они сумели сохранить и на досрочных парламентских выборах 2007 г. ДНП входит в датское правительство в качестве партнера по коалиции с либералами и консерваторами. Дело в том, что эта партия во главе с лидером П. Кайерсгардом оказывает влияние на политику правительственной коалиции: ужесточив законодательство, власти снизили ежегодный приток иммигрантов в пять раз, с 10 тыс. в 2001 г. до 2 тыс. в 2006 г.

Премьер-министр А.Ф. Расмуссен, третий раз приведший к победе либерально-консервативный блок, принял в коалицию исламскую партию "Новый альянс". Впрочем, после победы у премьера возникли новые проблемы. Дело в том, что для формирования правительства коалиции необходимо не менее 90 мандатов, т.е. на один мандат больше, чем она получила. Расмуссен надеялся, что в коалицию вступит независимый депутат от Фарерских островов Э. Йонсен. Однако неожиданно тот премьера не поддержал. В итоге премьер вынужден был обратиться за помощью еще к одной силе, прошедшей в парламент, – исламской партии "Новый альянс", получившей пять депутатских мандатов. Эту партию иммигрантов, созданную накануне выборов, возглавляет 44-летний Насер Хадер, родившийся в маленькой деревушке под Дамаском (его отец палестинец, а мать сирийка) и переехавший в Данию в 1974 г. Хадер разделяет экономические взгляды премьера и в ходе предвыборной компании неоднократно заявлял, что его партия намерена поддержать Расмуссена и готова войти в коалицию. Таким образом, датский премьер возглавил правительство, в котором впервые в истории Европы будут представлены одновременно исламская и ультраправая партии¹⁰.

В Италии в начале 1990-х годов заявила о себе крайне правая партия "Лига Севера"¹¹, которая начала свою успешную карьеру в качестве региональной оппозиционной партии. Лига имеет репутацию сепаратистской и выступает исключительно в интересах северных областей, добиваясь для них федерализма, прежде всего финансового. Партия славится также своей резкой националистической и почти ксенофобской позицией по отношению к иммигрантам. В ходе парламентских выборов 2001 г. от "Лиги Севера" в парламент прошли 30 депутатов и 17 сенаторов. Сам лидер партии У. Босси получил пост министра реформ, став фактически третьим человеком в правительстве, которое возглавил С. Берлускони.

Фашистские корни однозначно прослеживаются в "Итальянском социальном движении", которое с 1948 г. постоянно представлено в парламенте Италии. Представители "Итальянского социального движения" вполне открыто называли довоенных фашистских интеллектуалов источником своего идеологического вдохновения¹², однако влияние партии в итальянской партийной системе носило ограниченный характер. После партийного съезда в 1995 г. партия под руководством Джанфранко Фини называет себя официально постфашистским "Национальным альянсом". На парламентских выборах 2001 г. партия, набрав 16% голосов, вошла в коалиционное правительство экс-премьера Италии С. Берлускони¹³.

¹⁰ Габуев А. Мусульманам воздали Данию. – Коммерсантъ, 16.XI.2007.

¹¹ Вялков Ю.А. Проблема регионального национализма в Италии (последняя четверть XX в.). – Новая и новейшая история, 2007, № 6.

¹² Fennema M., Pollman C. The Ideology of Anti-Immigrant Parties in the European Parliament. – Acta Politica, 1998, № 33, p. 111–138.

¹³ Весной 1994 г. миланский магнат, владелец ряда средств массовой информации С. Берлускони решил пойти в политику, и с быстротой молнии по всей Италии возникло массовое движение, организованное по принципу клуба, которое было названо "Вперед, Италия". Вместе с "Лигой Севера" и "Национальным альянсом" они образовали в 1994 г. коалицию правого толка.

На досрочных парламентских выборах (13–14 апреля 2008 г.) правоцентристский блок "Народ свободы" С. Берлускони одержал убедительную победу. Он получил поддержку 47% избирателей, а его главный соперник – левоцентристская коалиция лидера Демократической партии В. Велтрони – довольствовалась лишь 38% голосов.

Новому премьеру Берлускони удалось не только обеспечить себе значительное парламентское большинство, но и сформировать подконтрольный кабинет. Из 21 министра 12 являются его сторонниками по партии "Вперед, Италия", по 4 министерства получили его союзники из "Национального альянса" и "Лиги Севера".

Между тем министерство обороны возглавил отличающийся крайне правыми взглядами Игнасио ла Русса, одновременно заступивший на пост руководителя "Национального альянса" в связи с возникшей необходимостью отставки с этого поста ее исторического лидера Дж. Фини, ставшего спикером палаты депутатов¹⁴.

В Нидерландах в 2002 г. ультраправая партия "Фортейн", которая после убийства ее харизматичного лидера П. Фортейна менее чем за неделю до выборов получила 16% голосов, сформировала вторую по численности фракцию в парламенте. Спустя 87 дней в правящей коалиции разразился кризис – вызван он был фактическим развалом "Фортейна". Дело в том, что тогда нынешний премьер-министр Нидерландов Я.П. Балкененде, лидер правоцентристского "Христианско-демократического альянса", создал коалицию с ультраправой партией "Фортейн". Партия (известна еще как "Список Пима Фортейна") была создана лидером, который вообще не был связан с крайне правыми группировками. Фортейн начинал свою политическую карьеру с крайне левых позиций. Лидер партии, не скрывающий своей гомосексуальной ориентации, был ярким критиком иммиграции и ислама¹⁵. На смену Фортейну пришел эксцентричный режиссер Тео Ван Гог. В тандеме с ним на политическую арену вышла депутат сомалийского происхождения Айян Хирси Али, написавшая сценарий для фильма Ван Гога "Подчинение" с критикой ислама. Фортейн и Ван Гог были убиты. Первый – борцом за права животных в 2002 г., второй – исламским фундаменталистом в 2004 г. Между тем большинство населения в 2005 г. сказало "нет" проекту Конституции Европейского Союза¹⁶.

Парламентские выборы в Нидерландах должны были состояться в 2007 г. – спустя четыре года после формирования последнего правительства Я.П. Балкененде. Однако эти события вынудили передвинуть выборы на более ранний срок – конец 2006 г. Все началось с того, что Р. Фердонк – министр иммиграции и интеграции и представляющая в правительственной коалиции правоцентристскую "Народную партию за свободу и демократию" – решила занять очень жесткую позицию по вопросам нарушения миграционного законодательства.

Жертвой стала А.Х. Али, депутат парламента, писатель и феминистка. Сомалийка приехала в Нидерланды в 1992 г., получила статус политического беженца, а затем и гражданство. Иммигрантка на новой родине окончила университет и занялась политической карьерой, получив депутатский мандат на выборах 2003 г. Хотя в детстве Али посещала мусульманскую школу, в Нидерландах она стала атеисткой и одним из самых непримиримых критиков ислама в Европе. Она призывала иммигрантов (известных в Нидерландах как "аллохтоны", в отличие от местных "автохтонов") перенимать культуру новых стран проживания и интегрироваться. По идее все это делало ее союзницей Р. Фердонк, декларировавшей те же цели в вопросах интеграции иммигрантов.

Однако Р. Фердонк, в Голландии именуемая "железной" Ритой, обнаружила, что в далеком 1992 г. Али неверно указала данные в анкете на получение статуса политического беженца. По мнению Фердонк, это аннулирует статус беженца, лишает Али гражданства и права быть депутатом.

¹⁴ Пушкарская Е. Сильвио Берлускони реализовал большинство. – Коммерсантъ, 16.IV.2008.

¹⁵ Chorus J., De Galan M. In de ban van Fortuyn. Reconstructie van een politieke aardschok. Amsterdam, 2002.

¹⁶ Шубина М.В. Европейские ультраправые в эпоху глобализованного модерна. – Политическая наука. Суверенитет в условиях глобализации. Опыт политик Запада и Востока. Сб. М., 2005, с. 70–91.

Отзыв паспорта Али вызвал скандал. Ведь она еще в 2002 г. проинформировала соратников по партии и журналистов, что солгала в анкете, написав не свою фамилию, а фамилию деда (так она пыталась скрыться от преследования своей сомалийской семьи), и на протяжении четырех лет этот факт никого не интересовал. Сначала голландские, а затем и европейские газеты горой встали за Хирси Али. Для большинства голландцев скандал оказался шоком, поскольку они считали Али "идеальным мигрантом", который воспринял язык и культуру своей новой страны и полностью адаптировался. Общественное мнение было явно на ее стороне, так как считало, что бороться нужно не с такими аллохтонами, как она, а с теми, кто не хочет интегрироваться в голландское общество. Министр по иммиграции и интеграции явно метила в премьеры и решила использовать миграционную тему, ставшую популярной после появления партии Фортейна. Однако она выбрала "неправильную жертву", отмечает социолог из Утрехтского университета Уве Ван Лефен¹⁷. Несмотря на общественное мнение, "железная Рита" не сдавалась. В результате входившая в правительство либеральная партия "Демократы-66" выдвинула ультиматум: немедленная отставка Фердонк или распад правящей коалиции. Министр по делам иммиграции отказалась уходить в отставку и даже попыталась замять скандал, вернув Хирси Али гражданство и паспорт. Но правительство это не спасло: "Демократы-66" вышли из коалиции и кабинет ушел в отставку. В глазах голландцев Рита Фердонк проиграла. Айян Хирси Али решила покинуть Нидерланды, переехав в Вашингтон в качестве сотрудника правоконсервативного "Америкэн энтерпрайз институт" (American Enterprise Institute).

На досрочных парламентских выборах в 2006 г. самым неожиданным стал успех крайне правой Партии свободы Г. Вилдерса, выступающего с откровенно антииммигрантских и антиисламских позиций. "Мы гордимся нашей культурой, и мы против подъема ислама в голландском обществе. В Нидерландах уже достаточно мусульман и мечетей", – убеждал лидер партии своих соотечественников накануне выборов. Его взгляды оказались близки немалому числу голландцев: партия, до этого обладавшая всего одним мандатом в парламенте, заручилась сразу девятью местами. Кстати, именно перу господина Вилдерса принадлежит текст противоречивого законопроекта о запрете на ношение в общественных местах паранджи, который выдвинула Фердонк и который премьер Балкененде пообещал провести в будущем через парламент¹⁸.

В 2002 г. настал черед Франции: на президентских выборах лидер ультраправого Национального фронта (НФ) Жан-Мари Ле Пен получил почти 17% голосов, опередив одного из фаворитов, премьера-социалиста Л. Жоспена, и вышел во второй тур. Лишь объединение левых и центристов помешало дальнейшим успехам Ле Пена – во втором туре он потерпел поражение от Ж. Ширака. Шокирующий успех Ле Пена в первом туре показал со всей ясностью угрозу, нависшую над традиционными политическими партиями. Осознание опасности вылилось в мобилизацию большей части истеблишмента перед вторым туром президентских выборов – мобилизацию, подкрепленную на уровне электората массовым консенсусом демократических и либеральных сил.

В начале 1980-х годов вследствие волн иммиграции и экономических проблем НФ вырос во всеобщее политическое движение правопопулистского протеста. Он со временем привлек на свою сторону 10% избирателей и по своей направленности является националистическим и враждебным по отношению к иммигрантам. Как ни одно другое западноевропейское партийное движение, НФ представляет идеологию, которая оперирует такими ключевыми словами, как "покой" и "порядок", "семья" и "отечество", "традиции" и "религия"¹⁹. В этом смысле идеология НФ вполне укладывается в рамки европейской ультраправой традиции с присущим ей сочетанием политико-культурного национализма, антисемитизма и консервативного социального проекта. Успешный

¹⁷ Цит. по: Кокишаров А. Нескучные голландские выборы. – Эксперт. 2006, № 45, с. 81.

¹⁸ Портякова Н. В Нидерландах победила многопартийность. – Коммерсантъ, 21.XI.2006.

¹⁹ <http://www.frontnational.com/programme/identite/immigration.htm>

опыт НФ, ставшего самой массовой системной политической организацией ультраправого толка в сегодняшней Европе, подтвердил репутацию Франции как лаборатории политической практики²⁰.

Ле Пен, самый противоречивый политик современной Франции, прошел путь от журналиста до лидера партии, от армейского офицера до "без пяти минут" главнокомандующего вооруженными силами Франции. Избравшийся в палату депутатов Национального собрания Франции только один раз – в далеком 1956 г., в ходе президентской кампании 2002 г. он вышел в финальный тур, лишив шансов на победу лидера правившей социалистической партии Л. Жоспена, и в день решающего голосования получил поддержку 7,1 млн. избирателей. Выборы стали пиком политической карьеры Ле Пена и самым крупным успехом ультраправых за всю историю Пятой Республики²¹. Этот успех был достигнут отчасти по понятным причинам, однако в то же время и вопреки очевидным трудностям. Основатель и бессменный лидер Национального фронта с 1972 г., Ле Пен считается политиком, сделавшим имя на националистической и антииммиграционной риторике. Не секрет, что французское государство эффективно противостояло его популярности: мало в какой иной демократической стране у партии, лидер которой собирает 10–15% голосов на общенациональных выборах, не было и нет ни одного представителя в парламенте.

В 2005 г., когда Франция готовилась к референдуму, который призван был выяснить отношение ее граждан к Конституции Европейского Союза, Ле Пен оказался в числе тех "ультраправых" и "ультралевых" политиков – националистов, коммунистов, троцкистов, синдикалистов, – которые выступили против одобрения проекта Конституции. В одном из интервью он подчеркивал: «Я считаю, что со многих точек зрения Европейский Союз является туиковым направлением развития. Почему? Потому что большинство наших проблем имеют глобальную природу и нерешаемы на европейском уровне. С этой точки зрения сама структура Евросоюза уже устарела. Спустя 15 лет после крушения коммунизма мы воссоздаем такую же тяжеловесную, искусственную конструкцию, да еще к тому же подчиненную НАТО и открытую исламскому влиянию. Евросоюз в нынешнем его варианте похож на аморфную медузу: большой, но бессильный, не способный даже защитить сам себя. Гигантизм не является залогом силы; наоборот, в нем скорее следует видеть проявление слабости. Он играет деструктивную роль, поскольку разрушает самый главный "оживляющий" государственный элемент – нацию. Европа не является ни нацией, ни Родиной и никогда ими не будет. Евросоюз – это конструкция, которая, подобно Антею, не имеет прочной опоры. Большинство европейских наций появилось не случайно и не спонтанно. Они сложились в ходе длительного процесса, зачастую очень болезненного, который привел к сплочению вокруг неких центров – иногда в силу их объединительной роли, иногда, напротив из-за изоляционистских тенденций. Сегодня же нация, эта живая общность, начинает разрушаться на уровне Европы, а, быть может, и на глобальном уровне – хотя масса примеров показывает, что народы, как правило, очень дорожат своим прошлым и своими национальными особенностями»²².

По мнению французского ученого Ж. Сапира, "массовый отказ 55% французов голосовать за проект Европейского конституционного договора, случившийся после первого удара грома 2000-го, представляет собой кризис осязаемого размаха, будь то Франция или Европа в целом"²³.

Предвыборная компания 2007 г. вызвала небывалый интерес среди французов. Так, если в 2002 г. за три месяца до выборов, основными кандидатами на которых были пре-

²⁰ Тэвдой-Бурмули А. Правый радикализм в Европе. – Современная Европа, 2005, № 4, с. 87–94.

²¹ Малахов В. Жан-Мари Ле Пен и другие. – Космополис, № 1, осень 2002, с. 117–120.

²² Ле Пен Ж.-М. О Франции, которой надо научиться говорить "НУЕТ". – Свободная мысль – XXI. 2005, № 6. С. 121–136.

²³ Сапир Ж. Время становиться радикалами. – Главная тема, 2005, № 6. С. 226.

зидент Ширак и премьер Жоспен, ими не интересовались 68% опрошенных, то в 2007 г., напротив, более 80% избирателей заинтересовались происходящими событиями. Впервые за долгое время кандидатами, имеющими шансы на победу, стали не президент, премьер или лидеры оппозиции, а относительно новые политические фигуры, представители молодого поколения 50-летних, от которых французы ждали действительного, а не мнимого обновления политического курса.

Кроме того, над страной витал призрак 2002 г., когда благодаря низкой явке и протестному голосованию лидер крайне правых Ле Пен прошел во второй тур. Для того чтобы впредь избежать подобной ситуации избиратели сочли своим долгом не только явиться на выборы, но и проголосовать за представителей основных политических сил. Кандидаты от других политических формирований (коммунистов, экологов, крайне левых, мелких правых группировок и крайне правого Национального фронта) по сравнению с выборами 2002 г. недосчитались значительного количества голосов.

Тактика Н. Саркози была направлена на завоевание как традиционного правого электората, так и тех избирателей, которые в последние годы голосовали за крайне правый Национальный фронт и его лидера Ле Пена. Поставив во главу угла такие понятия, как "работа", "авторитет", "заслуги", "национальная идентичность", Саркози одновременно дистанцировался от уходящей команды и привлекал голоса сторонников крайне правых. Предложения Саркози о создании министерства иммиграции и национальной идентичности, о введении иммиграционных квот, проведении практики "положительной дискриминации" (квот при устройстве на учебу или работу для представителей социальных низов) получили одобрение среди приверженцев как правых, так и крайне правых движений.

Однако перелом в настроениях избирателей НФ произошел после происшествия на Северном вокзале в Париже, когда после задержания безбилетника толпа молодежи устроила настоящий погром, с трудом усмиренный полицией. Жесткая реакция Саркози напомнила сторонникам крайне правых о том, что Ле Пен все-таки является "протестной кандидатурой" и не имеет никаких шансов на победу на выборах, в то время как Саркози – это именно тот человек, который сможет навести порядок в стране.

По результатам первого тура выборов именно в тех департаментах, в которых наблюдался наибольший прогресс Саркози по сравнению с Шираком в 2002 г., можно отметить резкое падение результатов Ле Пена с 2002 г. На каждые 100 французов, голосовавших за Саркози, приходится 11 избирателей Ле Пена на прошлых выборах. Кроме того, определенная часть избирателей НФ сочла Саркози, несмотря на его имидж "атлантиста" и "европеиста", меньшим злом и решила проголосовать за него уже в первом туре.

Таким образом, Саркози удалось консолидировать свой политический лагерь, привлечь во втором туре широкий спектр избирателей – за него отдали свои голоса 66% электората Ле Пена²⁴.

Аналогичным образом на парламентских выборах в Болгарии 2005 г. объединение под недвусмысленным названием "Атака", появившееся на свет всего за два месяца до выборов, набрало 8,91% голосов избирателей, что обеспечило ему 21 мандат, т.е. больше любой партии правой ориентации. Выдвинув лозунг "Верните Болгарию болгарам!" и умело сыграв на националистических чувствах так называемых "аутсайдеров" в жизни, "Атака" заняла четвертое место.

Она собрала протестные голоса "против всех", отразив также антибюрократические и антициганские настроения в обществе. Помимо того "Атака" включила в свои предвыборные заявления ряд конкретных требований (например, против закрытия АЭС "Козлодуй"), близких части болгарского общества. Таким образом, националисты оттеснили все партии демократического толка, располагавшиеся на правом фланге болгарской по-

²⁴ Преображенская А. Французский политический пейзаж после выборов. – Международная жизнь, 2007, № 6, с. 61–75.

литической сцены. В свое время именно эти силы, победив коммунистов, пришли к власти в Болгарии.

Ультраправую "Атаку" возглавляет известный журналист-политобозреватель частной телекомпании "Скат" Волен Сидеров. Он выходец из провинциального города Ямбол. Получив образование, он переехал в Софию, устроился на работу в Национальный литературный музей. Сочинял стихи. После падения режима Тодора Живкова в 1989 г. возглавил газету "Демократия". Это был главный печатный орган пришедшего к власти Союза демократических сил (СДС). В 1992 г. Сидерова внезапно отстранили от занимаемого поста. А он в свою очередь порвал все связи с СДС и его лидерами. Волен Сидеров избрал для себя новое амплуа – стал национал-патриотом. Популярность снискал в качестве автора и ведущего острой публицистической телепередачи, которую назвал "Атака"²⁵.

"Ультраправая волна" накрыла в последние годы и Румынию. В 2005 г. партия "Великая Румыния" получила 13% голосов на парламентских выборах и заняла одно из важнейших мест в политике страны. Ее председатель К.В. Тудор когда-то был придворным сочинителем у диктатора Николае Чаушеску, а сегодня активно занимается подстрекательством против евреев и цыган²⁶.

Ультраправые в Румынии используют живущее в избирателях чувство сильного национального мессианизма. Одно из наиболее часто встречающихся в румынской истории описаний гласило, что страна румын была "островом латинской культуры в славянском океане", что румынский народ является "уникальным и исключительным феноменом в истории человечества"²⁷. Пропагандируемая идеология "исторической миссии", возложенной на румынский народ, социально-экономические проблемы, заниженный международный статус – все это играет на руку ультраправым.

В Греции после падения режима "черных полковников" (1967–1974 гг.) на протяжении многих лет установилась двухпартийная система, ставшая для страны традиционной. Ее главными составляющими являются "Всегреческое социалистическое движение" (ПАСОК) и "Новая демократия" (НД). Политическая монополия левоцентристов из ПАСОК и правоцентристов из "Новой демократии" на протяжении ряда лет являлась сдерживающим фактором для всех новых политических партий.

Пришедшие в 1981 г. к власти левоцентристы из "Всегреческого социалистического движения" добились больших успехов в экономике, привели страну в Европейский Союз, который оказал большую финансовую поддержку правительству Греции. Левоцентристы в течение 80-х годов успешно реализовали обширную социальную программу, направленную на снижение уровня безработицы и повышение общего благосостояния граждан. За годы их правления значительно вырос ВВП, повысились пенсии, увеличились расходы на здравоохранение и образование.

Однако в конце XX – начале XXI в. ситуация в греческой экономике стала ухудшаться. Рост цен, повышение уровня безработицы, коррупция во властных структурах и резкое увеличение потока иммигрантов в страну вызывают огромное беспокойство граждан страны. Многие исследователи обращают внимание на взаимосвязи между ростом националистических настроений в обществе и экономической ситуацией в той или иной стране. В результате на парламентских выборах в 2004 г. ПАСОК потерпела поражение.

Именно на этом фоне в начале XXI в. на политической сцене Греции появился "Народный православный призыв" (ЛАОС), ставший ведущей греческой праворадикальной партией за все время с момента падения режима "черных полковников" и получивший

²⁵ Подробнее см.: *Денчев К.* Конец "царствования" Симеона Сакскобургготского в Болгарии. – Новая и новейшая история, 2006, № 2, с. 154–167.

²⁶ *Загорецкий М.* Призрак национализма. – Коммерсантъ-GUIDE, 2007, № 77, с. 21.

²⁷ *Тиугеа Г.В.* Перспективы Восточной Европы и румынский опыт. – Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2007, № 6, с. 103.

на выборах в греческий парламент в сентябре 2007 г. 10 депутатских мандатов. ЛАОС является пятой политической силой в парламенте²⁸.

Сложное экономическое положение Греции создает благоприятные условия для роста и укрепления радикальных сил, готовых бросить вызов традиционным демократическим партиям при решении острых проблем глобализации, с которыми сталкивается Греция.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

В начале 2007 г. в Европейском парламенте впервые за последние 12 лет был сформирован блок ультраправых партий. Создание фракции оказалось возможным с приемом в ЕС Болгарии и Румынии, пополнивших Европарламент новыми сторонниками крайне правой идеологии. Их вступление позволило западноевропейским "ультра" без труда преодолеть барьер, необходимый для формирования полноценной политической группы.

"Мы станем совестью Европарламента, мы будем неустанными защитниками народов Европы, которые желают величия нашему континенту и нашей цивилизации", – так лидер ультраправой фракции "Самобытность, традиции, суверенитет" (ITS) Бр. Голниш очертил задачу новой политической силы Европы, подчеркнув, что ITS будет руководствоваться "признанием национальных интересов", "приверженностью христианским и семейным ценностям" и выступать против "унитарного и бюрократического европейского супергосударства"²⁹.

После вхождения Болгарии и Румынии в ЕС большая европейская семья пополнилась еще 30 млн. граждан, а состав Европарламента – 53 новыми депутатами (18 болгарскими и 35 румынами), из которых шестеро оказались ультраправыми – один представитель болгарской коалиции "Атака" и пять членов румынской партии "Великая Румыния". Это позволило "ультра" в Европарламенте набрать необходимый для создания фракции минимум в 20 человек (при этом они должны быть представителями не менее шести стран). Кстати, праворадикальные старожилы Европарламента, выигравшие в конечном счете от принятия в ЕС новых членов, были главными противниками вступления в Евросоюз Болгарии и Румынии.

Создав собственную фракцию, националисты получили право на финансирование из бюджета ЕС (около 1 млн. евро в текущем году) и возможность влиять на работу различных общеевропейских институтов. Лидер ITS Бр. Голниш – профессор международного права и вице-президент французского Национального фронта. Одним из самых ярких представителей ITS стал глава французского Национального фронта Ле Пен, который в 1984–1989 гг. возглавлял в Европарламенте группу европейского права, схожую по идеологии с нынешней ультраправой фракцией. Членский билет ITS получила также внучка бывшего итальянского диктатора Муссолини Александра. Она возглавляет небольшую ультраправую партию "Социальное действие". Во фракцию входят около 20 европарламентариев из Австрии, Бельгии, Болгарии, Италии, Румынии, Франции.

Впрочем, ультраправые партии принимают участие в общеевропейских выборах с 1980 г. Анализ парламентской деятельности членов так называемой "Технической фракции европейских ультраправых" в Европейском парламенте показывает, что члены европейских ультраправых партий выказывают необычайную последовательность в своей парламентской деятельности, хотя и не достигают сколько-нибудь значительных результатов вследствие бойкота со стороны других членов парламента. Иными словами, эти партии принимают правила парламентской демократии³⁰.

²⁸ Davis T.C. The Iberian Peninsula and Greece: Retreat from the Radical Right? – The New Politics of the Right. Neo-Populist Parties and Movements in Established Democracies. New York, 1998, p. 157–172.

²⁹ См.: Тодорова К. Сидеров с фракция в Европарламента. – Газета "24 часа". София, 08.I.2007.

³⁰ Van der Brug W., Fennema M., Tillie J. Anti-Immigrant Parties in Europe: Ideological or Protest Vote? – European Journal of Political Research. 2000, № 37, p. 77–102.

УЛЬТРАПРАВЫЙ СИНДРОМ

1980–1990-е годы вошли в европейскую историю под знаком бума евроинтеграции. Европа объединялась, открывала границы, менялась внутренне и внешне. Открытость границ и мышления привела к тому, что менялись не только государства, но и сами европейцы.

Крайне правые партии сумели приспособить свою политику к настроениям значительной части электората, недовольного старыми партиями, глобализацией, миграционными процессами. Политика "национального предпочтения", поддержка идеи сильного государства, критика традиционных форм демократии сочетаются в это время с отказом от насилия внутри страны, что ведет к замене термина "радикально правые" применительно к этим партиям на "крайне правые" или "ультраправые". Понятия "крайне правые" и "ультраправые" используются часто как синонимы в политике и в науке. Голландский ученый М. Феннема называет такие партии антииммигрантскими партиями, исходя из того, что понятие "крайне правые" связано с теорией тоталитаризма, в которой фашизм и коммунизм относятся к тоталитарным обществам³¹.

С ультраправыми не следует смешивать неофашистов. Несмотря на множество очевидных параллелей между современными ультраправыми партиями и неофашизмом, ультраправые партии отнести к фашистским было бы некорректно. Во-первых, различия между дискурсом этих партий и собственно фашистским дискурсом достаточно существенны. Они не только не призывают к прямому насилию, но и совершенно иначе, чем фашисты, аргументируют свою антииммигрантскую позицию. Они, в частности, ведут речь вовсе не о сохранении чистоты крови, а об опасности социальной дезинтеграции. Во-вторых, попадая в сферу политики, ультраправые обычно приобретают респектабельность и отказываются от скандальных заявлений, которые делали, будучи изгоями. Так, Й. Хайдер, став членом австрийского парламента и проводя свою партию в коалиционное правительство, дезавуировал собственные высказывания, в которых одобрял социальную политику "третьего рейха". То же самое произошло и с Дж. Фини, категорически отмежевавшимся от антисемитизма почти сразу после того, как попал в правительство. В целом в этом вопросе, как в политике, так и в науке, наблюдается значительный разброс мнений.

Феномен массового "поправения" Европы вызван, по меньшей мере, двумя обстоятельствами: неспособностью властей обеспечить гражданам безопасность и неразборчивой иммиграционной политикой государства. Антииммигрантские лозунги привлекают миллионы избирателей и во Франции, и в Голландии, и в Австрии, и в Бельгии, и в странах Северной Европы. Эксплуатация страхов, связанных с иммиграцией, оказалась весьма эффективным инструментом завоевания голосов. Этот инструмент позволил ультраправым в Западной Европе, считавшимся прежде маргинальными, переместиться с обочины политической жизни своей страны ближе к ее правому центру.

Миграция – это процесс, который больше всего изменил европейское общество за последние полвека. Анализ иммиграционных потоков в последние десятилетия показывает, что в страны Евросоюза ежегодно прибывают более миллиона беженцев³². Однако по экономическим причинам Европа вынуждена поощрять иммиграцию в Европу. Проблема в том, какова предельная культурная емкость ЕС, способная переварить этих иммигрантов.

Иммигранты желанны только при условии, если они готовы и способны вписаться в образцы поведения, характерные для принимающей страны. Либо они растворяются в культуре нации-государства, на членство в которой претендуют, либо им будет отказано в таком членстве. Однако сколь бы ни был привлекателен для "золотого миллиарда" такой сценарий, он вряд ли реализуем на практике. Дело в том, что развитые страны об-

³¹ Феннема М. Правые популистские партии. – Прогнозис, 2006, № 1, с. 193–196.

³² Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности. Доклад Глобальной комиссии ООН по международной миграции. Пер. с англ. М., 2006.

речены на иммиграцию. Остановить иммиграционный поток с Юга на Север невозможно. И не только потому, что перемещение рабочей силы из неблагоприятных зон мировой экономики в благополучные является неизбежным процессом, но и потому, что Север нуждается в иммиграции – хотя бы по причине старения его населения.

Европа стареет. Средний возраст в Германии к 2050 г. вырастет с сегодняшних 40 до 47 лет; средний возраст во Франции с 28 до 45 и т.д. По данным Европейской Комиссии рост числа пенсионеров может привести к сокращению ежегодных темпов роста на 0,75% к 2040 г.³³ Но проблема может оказаться еще более значительной. По оценкам поколенческого дисбаланса финансовых систем различных экономик мира, большинство членов ЕС срочно должно увеличить налогообложение или сократить государственные выплаты населению, чтобы избежать перекладывания огромного налогового бремени на следующее поколение. В случае Австрии, Финляндии и Нидерландов государственные выплаты должны быть сокращены на 20% для достижения поколенческого баланса³⁴. Не случайно, что споры о пенсиях в настоящее время отнимают так много времени у немецких и французских политиков. Реформы необходимы для того, чтобы предотвратить крах систем социального обеспечения в европейских государствах. Сегодня невозможно управлять государством всеобщего благоденствия так, как это было раньше, в 1950–1980-х годах, когда структура населения была совершенно другой. Европа должна адаптировать свою систему к новым требованиям.

Все это свидетельствует о том, что перед развитыми государствами Запада встает малопривлекательная дилемма: либо открывать свои страны для притока иностранной рабочей силы, либо готовиться к снижению социальных благ и жизненного уровня. Сохранение такой тенденции может иметь два вероятных следствия: постепенную исламизацию Европы либо откат к крайним правым формам организации общества.

Неприятие Евросоюза – также широко распространенное явление. Причем распространено оно тем шире, чем богаче страна. Об этом мало говорят, но исследования Евробарометра показали, что существует огромный разрыв между количеством людей, считающих Европейский Союз благом вообще, и количеством людей, считающих его благом для своей собственной страны. В странах, которые получают значительные суммы (в 1995–2001 гг. Греция, Ирландия и Португалия получили суммы, превысившие 2% их ВВП), доля избирателей, считающих ЕС благом для своей страны, значительно больше тех, кто считает его благом вообще. Наоборот, во многих крупных странах-донорах – Германии, Бельгии и Люксембурге – число избирателей, считающих ЕС благом вообще, больше, чем избирателей, считающих его благом для своей страны³⁵.

В 2004 г. произошло самое крупное в истории расширение Европейского союза – к нему присоединились десять стран Восточной Европы. Уже это насторожило многих жителей ЕС. Граждан Франции, к примеру, пугали "сантехником из Польши", который приедет в страну после принятия в ЕС новых членов и лишит многих французов их рабочих мест. В 2005 г. во Франции и Нидерландах прошли референдумы по европейской конституции, на которых жители обеих стран отвергли проект общеевропейского основного закона.

Естественной реакцией европейского обывателя на стремительно меняющийся образ жизни стало желание вернуться к прежней жизни с ее устоями, привычками и ценностями. Протесты рассерженных избирателей подхватили ультраправые партии. Примечательно, что во время двух президентских избирательных кампаний – в 2002 и 2007 гг. – лидер французского Национального фронта многократно обращался к критике глобализации, увязывая с ней и процессы европейской интеграции.

Ультраправые связывали с объединенной Европой и негативное общественное развитие своих стран. Сюда, прежде всего, относились такие темы, как иммиграция ино-

³³ Revitalising Old Europe. – Economist, March 15, 2003, p. 91.

³⁴ Ferguson N., Kollikoff L. The Degeneration of EMU. – Foreign Affairs, April 2000, p. 110–121.

³⁵ См.: http://europa.eu.int/comm/budget/agenda2000/reports_en.htm

странцев и растущая преступность. Ультраправые нападали на еврократию в Брюсселе как на олигархическую и самодержавную клику функционеров и бюрократов. Й. Хайдер подчеркивал, что Австрии не нужна "никакая центральная государственная структура управления, никакой брюссельский централизм"³⁶.

Европейская интеграция в немалой степени остается технократическим процессом, при котором принятие решений в широких политических областях передается Брюсселю. Сельскохозяйственная политика, например, во многом находится под юрисдикцией Европейской комиссии. Решения экспертов сами по себе могут быть разумными, но им недостает легитимности, которая создается голосованием большинства. Об этих проблемах говорит Ж.К. Мартинез из Национального фронта в своей книге "Безумная Европа"³⁷. Он утверждает, что ЕС действует вопреки интересам народа. Если и существуют региональные различия, то они обусловлены безответственной фритредерской политикой ЕС и использованием структурных фондов при отсутствии какой-либо прозрачности. Одновременно широкая публика узнавала о технической некомпетентности и политической коррупции, свойственных европейской бюрократии. Все это создает хорошую почву для расцвета популистского дискурса. Европейский парламент лишен широкой легитимности. И многие избиратели считают это проблемой, а не решением. Явка избирателей на европейских выборах неуклонно падала с 1979 г.

Дополнительным фактором усиления ультраправых стал кризис состояния европейского социума и характерной для него либерально-универсалистской ценностной системы. В этом же ряду – тенденция перехода все большего числа развитых европейских стран с общего призыва на контрактную армию. То, что выглядит лишь рациональной мерой – сокращением расходов, оказывается еще одним шагом на пути освобождения человека от обязанностей и расширения его прав. Уже сейчас основные обязанности европейского обывателя на практике почти исключительно сводятся к уплате налогов и посещению избирательных участков.

Рост популярности ультраправых способствовал потере доверия к существующей партийной системе. Периодическая смена у власти "системных" группировок левого и правого центров, объединенных консенсусом вокруг базовых ценностей постиндустриального общества, все менее ощутимо отражается на повседневной жизни рядового гражданина. Свобода маневра умеренных партий жестко ограничивается требованиями глобализации и евростроительства. В таких условиях избиратель не видит других способов выражения своего недовольства, кроме бойкота выборов или голосования за национал-популистов: не веря в возможность их прихода к власти, да и чаще всего не желая его, он просто стремится преподать урок власть имущим. Более того, ультраправое поветрие начинает оказывать воздействие на практическую политику центристских правительств в таких вопросах, как борьба с преступностью и иммиграционная политика.

Таким образом, не исключено, что ультраправые будут все больше вдавливать традиционных правых и традиционных левых в одну нишу, заставляя их выступать единым фронтом против очередного национального фронта.

Ультраправые партии характеризуются следующими основными чертами. В смысле идеального типа, по Веберу, эти характерные признаки встречаются не везде, но в комплексе они указывают на ультраправый синдром.

1. Ультраправые партии противопоставляют себя политическим партиям, представляющим основную политический класс, и считают себя единственными силами, способными защитить интересы всего угнетенного народа.

2. Эти партии и их лидеры критикуют национальный истеблишмент за рационализированную риторику, выступая за простоту принятия решений и за то, чтобы политика была понятна народу и соответствовала здравому смыслу.

³⁶ Цит. по: *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. Пер. с нем. М., 2000, с. 270.

³⁷ *Martinez J.-C.* L'Europe folle. Saint Cloud, 1996.

3. Ультраправые в своей деятельности используют антиавторитарные призывы, определяя существующую демократию как "фальшивую", "авторитарную". Их моральный код базируется на противопоставлении хорошего общества и плохой политики, хороших "низов" и плохих "верхов".

4. Критика больших партий сопровождается подчеркиванием своей маргинальности, периферийности, несистемности. Небольшой размер этих партий зачастую трактуется как показатель их "новизны" либо как свидетельство их "непричастности" к "грязной" большой политике.

5. Эти партии подвергают резкой критике современную политику, прибегая к агрессивной оппозиционной борьбе, и они предпочитают не согласие, а конфронтацию.

6. Ультраправые партии ратуют за "новую демократию". Они рассматривают себя в качестве "жертв" современной политики властвующих элит, которые якобы не только манипулируют народом, но и подавляют всякую живую альтернативу.

7. Идеологической основой ультраправых партий выступает "харизматический популизм":

а) идея перемен сочетается с образом единственного героя, ратующего за них;

б) афишируется идея "неполитического" языка; часто используются архаические символы и эксплуатируются формы культурной, спортивной, "ресторанной" или увеселительной лексики и компаний.

Таким образом, в начале XXI в. крайне правые партии стали активными игроками на европейской политической арене. В Австрии, Бельгии, Дании, Италии, Норвегии, Нидерландах, Франции и Швейцарии на выборах они набирали более 10% голосов.

Вторая "ультраправая волна" накрыла в последние годы часть Восточной Европы. Эта касается главным образом Болгарии и Румынии. Подобные процессы идут и в Венгрии. Ультраправая партия "Движение за лучшую Венгрию" получила места в ряде муниципалитетов, но не прошла в парламент. В 2007 г. она учредила свое военизированное крыло "Венгерская гвардия". Заявленная цель организации – "защитить Венгрию физически, морально и духовно"³⁸. В числе своих главных врагов, помимо инородцев и секс-меньшинств, ультраправые называют премьера-социалиста Ф. Дьюрчана и возглавляемый им кабинет. Красно-белые флаги и черные мундиры "гвардейцев" напомнили атрибутику правившей в Венгрии в середине 40-х годов национал-социалистической партии "Скращенные стрелы", члены которой после окончания Второй мировой войны были осуждены как военные преступники за сотрудничество с нацистской Германией.

* * *

За последние десятилетия "ультраправая волна" превращается в одну из существенных тенденций развития современной Европы. Взлет европейских ультраправых совпал по времени с усилением процессов глобализации в мире и расширением наднациональных интеграционных процессов в Европе. Важнейшими факторами изменения характера и масштабов проявления ультраправого феномена в Европе в последние 10–20 лет стали обострение социокультурной ситуации в странах Европы вследствие иммиграционного бума, а также ускорение наднациональных интеграционных и глобализационных процессов в 80–90-е годы. Рост популярности ультраправых лозунгов и выдвигающих эти лозунги организаций является реакцией на эти объективные изменения.

Главным фактором усиления ультраправых сил является упадок традиционно доминировавших политико-философских парадигм и соответствующих групп политического истеблишмента многих европейских стран, ставший результатом распада биполярной системы и наступившей идеологической дезориентации. Сегодня политики и партии жи-

³⁸ *Портыкова Н.* "Венгерская гвардия" защитит страну морально и физически. – Коммерсантъ, 27.VIII.2007.

вуют в большой степени собственной жизнью, все меньше думая о потребностях общества. Они перед лицом глобализации не сумели дать избирателю надежную опору, и в нем начало расти чувство неуверенности. Австрийский политолог П. Ульрам назвал этих людей неуверенными материалистами³⁹. Все это позволяет ультраправым предстать в образе динамичной силы, умеющей давать ответы на вопросы сегодняшнего дня.

Ультраправые партии не пережили бы подобного подъема, если бы электронные средства массовой информации не приобрели бы столь значительной роли в политической дискуссии. Политические представители находятся под колпаком СМИ. Демократия партий становится демократией зрителей. Телевизионные сообщения о политике благоприятствуют персонификации политики: Хайдер, Ле Пен, Блохер – харизматические фигуры лидеров постоянно предстают в качестве гладиаторов на политической арене и будоражат недовольных людей.

Вследствие беспрестанного контроля со стороны СМИ коррупция и клиентизм политических элит теперь разоблачаются чаще, чем прежде. Во всех европейских странах коррупционные скандалы подрывают легитимность традиционных партий. В политической коррупции нет ничего нового, и вряд ли вообще можно говорить о ее росте. Однако она стала более зримой, чем при старой партийной демократии. Общественное мнение настроено более критически, а избиратели менее склонны мириться с такой практикой, даже если она имеет место в партиях, за которые они отдали свои голоса.

Разрыв между теми, кто имеет высокий и растущий доход, и теми, кто отстает в своих семейных доходах, вырос во всех европейских странах. Требования политического равенства выросли, а экономическое равенство уменьшилось. Это противоречие в европейском обществе выражается в росте политического цинизма и поддержке ультраправых партий. По мнению Ж. Сапира, протестное голосование во Франции в 2005 г. по Конституции Евросоюза носило классовый характер: "нет" проекту – это победа "пролетариев" над буржуа – "богемой"⁴⁰. Таким образом, отказ от конституции ЕС – это отказ от прежней экономической и социальной политики. В каком-то смысле это также отказ от Единого европейского акта, который образовывал "Общий рынок" как ключевой механизм Европы. Не принимать этого в расчет нельзя. Впрочем, за приливом популярности ультраправых в конце 90-х годов в некоторых странах последовал отлив. В то же время цена ослабления крайне правых партий оказалось высокой. Основным политическим силам пришлось адаптироваться и принять на вооружение терминологию и часть программы крайне правых, занять более жесткую позицию в отношении иммиграции и выражать больший скептицизм по поводу европейской интеграции. Однако нельзя недооценивать влияние правых партий на политику, так как выдвинутые ими различные постулаты в более мягкой форме стали предметом обсуждения различных традиционных партий и были учтены в законодательстве.

Козыри ультраправых все чаще пытаются использовать партии, близкие к власти. С одной стороны, это неминуемо приведет к маргинализации ультраправых, с другой – может способствовать возникновению идеологии нового типа, с которой Европа еще не сталкивалась. Расширение пространства свободы в обществе только освобождает эти процессы, но не гарантирует, в каком направлении они пойдут и к каким результатам приведут.

³⁹ *Альтерматт У.* Указ. соч., с. 245.

⁴⁰ *Сапир Ж.* Время становится радикалами. – Главная тема, 2005, № 6, с. 227.